

Наука в контексте культуры

И. Д. РОЖАНСКИЙ

РАСИЗМ И ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ

1944 г.
2-й Белорусский фронт

Рожанский Иван Дмитриевич (1913—1994) — доктор философских наук. Война застала его в Северной Карелии, где он, уже кандидат физико-математических наук, был рядовым срочной службы. Воевал на Карельском фронте командиром отделения, политруком стрелковой роты, диктором звуковой батареи, старшим инструктором политотдела. Окончив спецкурсы при Ленинградском военно-политическом училище, с июня 1944 г. до конца войны был заместителем начальника антифашистской школы политуправления 2-го Белорусского фронта. В июле 1945 г. по спецнабору стал слушателем Военной академии Вооруженных сил СССР, которую окончил в 1947 г. Награжден орденом Отечественной войны II степени и 6 медалями.

В ИИЕТ работал с 1967 г. Автор около 100 трудов по истории античной и эллинистической науки и философии. Настоящая статья — последняя работа Ивана Дмитриевича, написанная незадолго до смерти по заказу Л. Копелева для немецкого журнала «Fogum XXI». На русском языке публикуется впервые.

Едва ли не наиболее часто цитируемым местом из всей античной литературы является фраза Аристотеля: «варвар и раб по природе своей понятия тождественные» [1, кн. I, I, 5]. Поскольку греки называли варварами всех, кто говорит не на греческом, а на других языках, то заявление Аристотеля было эквивалентно утверждению, что все не говорящие по-гречески являются по природе своей рабами. Статус же свободных людей был присущ, согласно Аристотелю, только грекам. Правда, и сам Аристотель сопровождал приведенное утверждение более или менее существенными оговорками. В дальнейшем мы рассмотрим ряд примеров из греческой истории, которые покажут, что древние греки отнюдь не были расистами ни в аристотелевском, ни в нашем современном смысле, а отличались широтой и терпимостью по отношению к представителям других рас и народов. Основоположником греческой философии (и науки) традиционно считается Фалес Милетский, живший в первой половине VI в. до н. э. Вряд ли мы найдем в античности фигуру более почитаемую, чем Фалес. Он неизменно открывал список «семи мудрецов», заложивших основы греческой культуры и государства. Античные доксографы приписывали ему первые достижения в области геометрии, астрономии и других наук. Аристотель называет его первым философом, сформулировавшим проблему материального первоначала всего сущего. По этой причине любой курс истории европейской философии — вплоть до нашего времени — начинается с изложения взглядов Фалеса.

Наиболее древним источником сведений о жизни и деятельности Фалеса является знаменитый историк Геродот. И вот у Геродота мы находим утверждение, что Фалес был по происхождению финикийцем (т. е. варварам). Древним грекам это утверждение не казалось ни парадоксальным, ни в какой бы то ни было степени скандальным. Милет, как и другие греческие города Малой Азии, был связан с финикийцами традиционными торговыми отношениями. Многие финикийцы оставались жить в Милете, брали себе в жены гречанок, и их дети уже ничем не отличались от коренных жителей города. В отдельных случаях они

получали милетское гражданство. Именно из такой смешанной семьи и мог выйти Фалес.

Но это обстоятельство показалось скандальным не современникам и соотечественникам Фалеса, а германским филологам конца прошлого и начала нынешнего столетия. Еще Э. Целлер, явный сторонник идеи автохтонности греческой культуры, высказал предположение, что Фалес, вероятно, происходил не от современных ему финикийцев, а от биотийских потомков мифического Кадма, который, как известно, был финикийцем. Это уже чистая мифология. А знаменитый Герман Дильс опубликовал в 1988 г. статью [2], которая с самого начала предполагала отрицательный ответ на поставленный в заглавии вопрос.

Очень неясна проблема «семи мудрецов» в ранней Греции. В число этих мудрецов источники неизменно включали четыре имени: Фалеса, Солона, Бианта и Питтака. Остальные три „мудреца“ выбирались более или менее случайно. Иногда в их число попадало такое одиозное имя, как коринфский тиран Периандр, ничем не отличившийся, кроме своей мстительной жестокости. Но вот некоторые поздние авторы одним из «семи мудрецов» называют скифа Анахарсиса, рассказ о котором мы также находим у Геродота. По словам последнего, Анахарсис побывал во многих странах и выказал там большую мудрость. По возвращении на родную землю он был убит на охоте стрелой своего родственника. «И поныне еще — пишет Геродот, — скифы на вопрос об Анахарсисе отвечают, что не знают его, и это потому, что он побывал в Элладе и перенял чужеземные обычаи» [3, кн. IV, 76]. Позднейшие авторы дополняют рассказ об Анахарсисе различными подробностями, в частности Плутарх сообщает о том, как Солон принял Анахарсиса у себя дома и сделался его другом. Во всяком случае, если скифы и забыли своего знаменитого соплеменника, греки помнили и поставили его в ряд наиболее знаменитых мудрецов. Не забыло его и последующее человечество. В годы Французской революции барон де Клоотц объявил себя поклонником и последователем Анахарсиса и даже принял его имя. Подобно своему древнему тезке, Анахарсис Клоотц много путешествовал, много видел и знал. В первые годы революции он увлекся идеями свободы, равенства и братства и отказался от своего титула и всех связанных с ним привилегий. Его образованность и неизменное остроумие сделали его одной из колоритнейших фигур первых дней революции. Он говорил, что его религия — космополитизм; на вопрос о его национальной принадлежности Клоотц отвечал: «Я гражданин Вселенной». В конце концов его космополитизм вступил в непримиримое противоречие с национализмом французских патриотов, и Клоотц кончил свою жизнь под ножом гильотины.

До поры до времени между греками и варварами не было сколько-нибудь серьезных конфликтов. Великие цивилизации древности — Египет и Вавилон — находились от Греции достаточно далеко, и у них не было проблем, которые пришлось бы разрешать силой оружия. Туземное же население Причерноморья и Италии, которое находилось в непосредственном соприкосновении с греческими колониями, относились к греческим поселенцам вполне терпимо, убедившись, что греки не претендуют на захват принадлежащих аборигенам территорий, и ограничивалось торговыми связями, выгодными для обеих сторон.

Положение изменилось, когда на Востоке образовалась мощная персидская держава. В середине VI в. до н. э. персидский царь Кир II покоряет Мидию и Вавилон, а затем устремляется на запад. В 546 г. ему подчиняется богатое Лидийское царство, а затем греческие города Эгейского побережья. Те, которые не делают этого добровольно, подвергаются разрушению и поголовным репрессиям. Сын Кира Камбис завоевывает в 525 г. Египет, а его преемник Дарий совершает походы в Скифию и Фракию. При Дарии персидская держава достигает пика своего могущества. Административно-финансовые реформы Дария укрепили военную и экономическую мощь персидской державы. Золотые монеты с изобра-

жением Дария («дарики») имели хождение далеко за пределами собственно Персии, а персидская армия считалась самой могущественной в мире.

Следующей геополитической задачей Персии было завоевание Балканского полуострова и, как следствие этого, превращение Эгейского моря во внутреннее персидское море. Эту задачу персы пытаются решить в начале V в. до н. э. Казалось бы, исход греко-персидской борьбы был заранее предрешен. Что могли противопоставить разрозненные и вечно враждующие друг с другом греческие полисы военной громаде великой персидской империи? Только чудо могло спасти греков от порабощения. А чудес в реальной жизни, как говорят, не бывает.

И все же чудо произошло. Греческие отряды, представлявшие собой, по сути дела, не регулярную армию, а народное ополчение, выставляемое отдельными полисами, нанесли поражение намного превосходящим их по численности персидским полчищам. Сначала это произошло в марафонском сражении (в 490 г.), когда Дарий попытался высадить экспедиционный корпус в северной Аттике. Через девять лет сын Дария Ксеркс переправил более чем двухмиллионную армию (по явно завышенным расчетам Геродота) через Геллеспонт и двинулся через Фракию и Фессалию на юг. Отчаянное сопротивление небольшого греческого отряда у Фермопил не могло изменить положения. Персы вторглись в Аттику, заняли Афины и разрушили Акрополь. Все население Аттики эвакуировалось на кораблях в Эгину, Мегару и на Саламин. Положение греков и, в первую очередь, жителей Аттики казалось совершенно безнадежным.

И тут произошло нечто удивительное. При Саламине персидский флот, стесненный в узких проливах между островами и материком, был фактически разгромлен и уничтожен эскадрами греческих триер. Это произошло осенью 481 г. Правда, гибель морского флота еще не означала поражения персидского войска в целом. И все же поражение при Саламине оказалось для персов величайшим шоком. После нескольких месяцев колебаний Ксеркс решает покинуть Грецию и вернуться в свою столицу, оставив на Балканском полуострове отборную 300-тысячную армию под командованием своего лучшего полководца Мардония. Летом 479 г. недалеко от местечка Платен произошло последнее и на этот раз решающее сражение. Армия персов была разбита наголову, и ее остатки, потеряв своего командира Мардония, бежали в Фессалию и затем во Фракию. О причинах поражения персов в войне 480—479 гг. историки писали по-разному. Но ключевую роль среди факторов, способствовавших победе греков, сыграли все же стойкость и мужество афинян, не терявших воли к сопротивлению в самые, казалось бы, безнадежные моменты.

Прав будет тот, отмечал Геродот, кто назовет афинян спасителями Эллады. «...Ход событий зависел исключительно от того, на чью сторону склоняются афиняне. Но так как афиняне выбрали свободу Эллады, то они вселили мужество к сопротивлению всем остальным эллинам, поскольку те еще не перешли на сторону мидян, и с помощью богов обратили царя в бегство» [3, кн. VII, 139].

История греко-персидских войн начала V в. до н. э. известна нам по книге Геродота. Но эта книга не ограничивается описанием фактического хода этих войн. Первые части книги представляют собой своеобразный курс страноведения. В них Геродот пишет о странах Ближнего Востока, которые были завоеваны персами и вошли в состав империи. Геродот сообщает еще массу географических, этнографических, исторических сведений об этих странах, о населяющих их народах, об их быте, культуре и религии. К любой сообщаемой им детали, заимствованной ли она из устных рассказов очевидцев, или основана на легендах, сообщенных Геродоту жрецами, или, наконец, взята из каких-либо письменных источников, автор относится с величайшим интересом и любознательностью. При этом нынешнего читателя поражают объективность Геродота и его гуманность, красной нитью проходящие через всю книгу. Даже рассказывая о персах, бывших в то время злейшими врагами эллинов, Геродот не проявляет ни малейшего хвастовства, ни малейшей нотки презрения к побежденному врагу. Говоря о же-

стоких поступках персидских царей Камбиза и Ксеркса, Геродот отнюдь не распространяет свое возмущение на весь персидский народ. Наоборот, к ряду персидских обычаяев Геродот относится с явной симпатией. Вот, например, что он пишет о религии персов: «Воздвигать статуи, храмы и алтари у персов не принято. Тех же, кто это делает, они считают глупцами, потому, мне думается, что вовсе не считают богов человекоподобными существами, как это делают эллины. Так, Зевсу они обычно приносят жертвы на вершинах гор и весь небесный свод называют Зевсом. Совершают они жертвоприношения также солнцу, луне, огню, воде и ветрам» [3, кн. I, 131].

Неудивительно, что впоследствии Плутарх, относившийся к Геродоту крайне неприязненно, называл его *«philobarbaros»*, т. е. «любящий варваров». На самом деле подобные высказывания Геродота свидетельствовали не о его любви к варварам, а о его беспристрастности и объективности, которым может позавидовать иной историк нашего времени.

Великий греческий трагик Эсхил был не только современником, но и непосредственным участником греко-персидских войн. В сражении при Марафоне он находился в первых рядах афинских гоплитов, отражавших насеком персидской конницы. Весьма вероятно также его участие в кампании 480—479 гг.; об этом свидетельствует его трагедия *«Персы»*, примечательная во многих отношениях. Кстати, это единственная из дошедших до нас греческих трагедий, сюжет которой заимствован не из мифологических легенд, а из современной автору действительности. Действие *«Персов»* развертывается в персидской столице Сузы и относится ко времени, непосредственно следовавшему за Саламинским сражением. А на афинской сцене трагедия была поставлена в 472 г., т. е. для греков она была еще сверхактуальной.

В течение всей пьесы зритель видит хор персидских старейшин, являющийся основным действующим лицом трагедии. В торжественном пароде хор восхваляет несметные персидские полчища, отправляющиеся в далекий поход под командованием «царя царей» Ксеркса. Но уже здесь в словах хора ощущаются нотки тревоги за судьбу персидского войска: слишком давно от него нет никаких вестей. На сцене появляется мать Ксеркса, вдова покойного царя Дария Атосса. Она говорит хору о своих мрачных предчувствиях. Прибегает гонец, повествующий о катастрофе, постигшей персидское войско у Саламина. Подробный рассказ гонца дает основание полагать, что Эсхил сам был свидетелем морской битвы. Хор в ужасе; Атосса сохраняет внешнее спокойствие: ее утешает сообщение о том, что ее сын Ксеркс остался жив и скоро вернется в Сузы. Атосса и хор решают вызвать из царства мертвых царя Дария, чтобы спросить у него совета. После соответствующих жертвоприношений и молитв появляется тень Дария. В диалоге с Атоссой и хором Дарий корит Ксеркса за легкомыслие и гордыню (*hybris*) и советует персам никогда не ходить войной на греков, ибо сама земля им помогает в бою. На вопрос корифея хора — как это может быть? — тень Дария отвечает: поражая голодом бесчисленные массы врагов. Предсказав еще одно поражение персов при Платеях, тень Дария скрывается, и Атосса уходит в свои покои. Появляется Ксеркс, находящийся, как мы сказали бы теперь, в состоянии истерического отчаяния. Следуя его примеру (и прямому приказанию), хор начинает вопить, причитать, бить себя в грудь, рвать на себе волосы, разрывать одежду. На этой ноте трагедия кончается.

В целом *«Персы»* Эсхила — это гимн в честь великой греческой победы, не замутненный ни презрением к врагу, ни насмешкой над ним. Атосса вызывает у зрителей чувства уважения и симпатии; тень Дария является собой идеальный образ мудрого царя, абсолютно лишенного кичливости, которая была присуща Ксерксу.

В литературных памятниках второй половины V в. до н. э. мы не найдем ничего, что бросало бы свет на отношение греков к варварам. В эту эпоху греки были слишком поглощены своими междоусобными распрями. У Фукидиса персы

если и упоминаются, то только в связи с тем, какую из враждующих группировок они поддерживали.

Положение изменилось в IV в. до н. э. Греческие города-государства вышли из Пелопоннесской войны ослабленными политически и экономически. Афины навсегда утеряли свое былое могущество. Кризис государственной системы города-полиса воспринимался как результат органической порочности демократии. Взоры интеллектуальной элиты, задумывавшейся о будущем, все чаще обращались на Восток. Несмотря на прошлые поражения, Персия продолжала существовать как могущественное единое государство, власть которого распространялась на громадные территории Азии и Африки. В греческом образованном обществе заметен рост персофильских настроений.

Выражением этих настроений явилось, в частности, сочинение Ксенофonta «Воспитание Кира». Написанное простым и изящным языком, оно до нашего времени является книгой, по которой изучают греческий язык учащиеся классических гимназий и лицеев. В ней Ксенофонт излагает свою педагогическую систему на примере воспитания персидского царя Кира I. Ценность этой книги как исторического источника ничтожна, но она дает ясное представление о взглядах и симпатиях самого Ксенофonta. Кир изображается в ней как идеал мудрого, справедливого, но твердого монарха. Хотя Ксенофонт об этом прямо не говорит, но ясно, что он противопоставляет такого рода монархию выродившейся, распущененной демократии греческих полисов, в частности Афинам.

Такого рода тенденции можно обнаружить и у других авторов, в частности у Платона. Собственно говоря, у Платона эти тенденции имеют двоякий характер. С одной стороны, мы обнаруживаем у него симпатии к реакционной малоподвижной Спарте и родственному ей Криту («Законы»), с другой — Платон открыто восхищается древней египетской культурой («Тимей»), по сравнению с которой самые старые греческие полисы представляются детьми, еще не вышедшиими из младенческого возраста. Что касается Крита и Спарты, то здесь проблем не возникает: их население было безусловно греческим и говорило на диалекте, лишь немногим отличавшемся от ионийского или аттического наречий. С Египтом дело обстоит по-другому: египтяне по всем формальным признакам должны были считаться варварами. В то же время греки с давних пор, начиная с «Одиссеи» Гомера, питали неизменное уважение к египетской культуре и египетской науке. Виднейшие деятели VI в. до н. э. — Фалес, Солон, Пифагор совершили поездки в Египет, где общались с жрецами, носителями традиционной египетской мудрости, заимствуя у них математические, астрономические и другие познания.

И вот в «Тимее» один из участников диалога, Критий, рассказывает удивительную историю, якобы переданную его деду афинским законодателем Солоном, который узнал ее от египетских жрецов. В этой истории повествуется о событиях, имевших место восемь тысяч лет тому назад, и о которых афиняне давно забыли. В то время в Атлантическом море, по ту сторону Геракловых столпов, находился громадный остров, превышавший своими размерами Ливию и Азию вместе взятые. На этом острове возникло могущественное государство, именовавшееся Атлантидой, власть которого простиралась и по эту сторону Геракловых столпов вплоть до Египта и Тирренского моря. Цари Атлантиды задумали покорить все прочие народы, жившие западнее проливов, и ввергнуть их в рабство. Но благодаря мужеству и самоотверженности жителей Афинского государства захватчики были отражены, а народы, которым угрожало порабощение, получили свободу. Позднее невиданные землетрясения и наводнения привели к тому, что Атлантида исчезла, поглощенная морской пучиной. По просьбе собеседников Критий обещал продолжить свой рассказ об Атлантиде после лекции Тимея о происхождении и устройстве космоса; этот рассказ должен был составить содержание следующего диалога («Критий»). К сожалению, от этого ди-

алога до нас дошло только начало — то ли потому, что его продолжение было позднее утеряно, то ли по той причине, что Платон вообще не успел его написать.

В последних диалогах Платона, в том числе и в «Тимее», почти не употребляется термин «варвары». Как жители Атлантиды, так и египтяне не были греками и говорили на языках, непонятных грекам. Но уровень цивилизации этих народов был, по мнению Платона, бесконечно выше уровня греческой жизни и культуры, не говоря о том, что они жили намного (на несколько тысячелетий) раньше современных Платону греков. По-видимому, Платон считал вообще ошибочным разделение народов на две группы — эллинов и варваров. Об этом он прямо говорит в диалоге «Политик», где обсуждается метод разделения на два (*diairesis*). Применяя этот метод, следует избегать ошибок вроде той, которую допускают, «пытаясь разделить надвое человеческий род... выделяя из всех народов эллинов» и давая «остальным племенам — бесчисленным, не смешанным между собой и разнозычным — одну и ту же кличку „варваров“». То же самое, как если бы кто-нибудь вздумал разделить число на два вида и, выделив из всех чисел мириаду, представил бы ее как один вид, а всему остальному дал бы одно имя и считал бы из-за этого прозвища, что это единый вид, отличный от того, первого» [4, 262 d—e].

Из этой цитаты ясно следует, что Платон (во всяком случае поздний Платон) не принимает общепринятого деления людей на эллинов и варваров.

Возвращаясь к началу этой статьи, мы не можем не задать вопроса — почему Аристотель в «Политике» вернулся к традиционной точке зрения, противопоставлявшей эллинов варварам, которая уже Платону казалась ретроградной. Приведенная нами цитата («варвар и раб по природе своей понятия тождественные») была отнюдь не единственным высказыванием Аристотеля на эту тему. Там же Аристотель ссылается на Эврипида, устами своей героини заявлявшего: «прилично властвовать над варварами грекам» («Ифигения в Авлиде»). А в третьей книге «Политики» Аристотель дает развернутое обоснование своей концепции варварства: «Так как по своим природным свойствам варвары более склонны к тому, чтобы переносить рабство, нежели эллины, и азиатские варвары превосходят в этом отношении варваров, живущих в Европе, то они и подчиняются деспотической власти, не обнаруживая при этом никаких признаков неудовольствия» [1, кн. III, IX, 3].

Для того чтобы полностью осознать государственно-правовую концепцию Аристотеля, необходимо остановиться на классификации видов государственного устройства, которую дает Аристотель. По его мнению, существует три «правильных» вида государства: это монархия (правление одного), аристократия (правление немногих) и полития (правление большинства граждан данного государства). Этим трем видам противостоят три «неправильных» вида: тирания, олигархия и демократия. В тиарии правление государством осуществляется не в пользу всего общества, а в пользу одного лица; в олигархии оно осуществляется в пользу немногих, а в демократии (в ее крайних формах) власть оказывается в руках массы населения, в основном неимущей. По мнению Аристотеля, наиболее справедливой формой государственного устройства является полития, когда правящим слоем в государстве оказываются ни богатые, ни бедные, а средние по своему имущественному достатку граждане. Чтобы предотвратить возможность перехода политии в демократию (подобно той, которая существовала в Афинах), необходимо ограничить число лиц, получающих права гражданства в государстве. В частности, в число граждан не должны допускаться ремесленники, поденщики, землепашцы и другие лица, добывающие средства к существованию исключительно физическим трудом. Полноправными гражданами могут быть лишь тяжеловооруженные военные (гоплиты), лица, занимающие те или иные государственные должности, землевладельцы (т. е. земельные собственники), жрецы, люди интеллектуальных профессий (например, философы). Не разрешается быть

гражданами незаконнорожденным, а также лицам, один из родителей которых не являлся гражданином, а был варварам или рабом.

Аристотель указывает, что в чистом виде полития встречалась в Греции очень редко. Он приводит лишь несколько примеров из далекого прошлого, причем в этих примерах полития обычно трансформировалась в олигархию или в демократию крайнего типа. Почему же именно этот тип государственного устройства Аристотель считает наилучшим? Это объясняется той социально-политической обстановкой, в которой к этому времени оказался греческий мир. Именно в эти годы войска Александра Македонского завоевали громадные территории Азии, до этого находившиеся под властью персидской империи. Эти завоевания сопровождались интенсивным градостроительством. Возникали новые города, основную массу населения которых вначале составляли военные, отставники, пенсионеры, а в дальнейшем и многочисленные иммигранты из Старой Греции. Территорию и численность населения этих городов можно было планировать заранее; все это представлялось Аристотелю очень удобным для проведения грандиозного эксперимента — создания целого ряда политий, организованных в соответствии с теми принципами государственного устройства, которые были сформулированы в его «Политике».

Эти идеи были, по-видимому, как-то согласованы Аристотелем с намерениями его гениального ученика — Александра Македонского. В «Политике» имеется одно интереснейшее место, которое многим историкам античности казалось загадочным. Рассуждая о политии, Аристотель пишет: «В силу указанных причин средний государственный строй либо никогда не встречался, либо редко и у немногих. Один лишь муж в противоположность тем, кто прежде осуществлял главенство, дал себя убедить ввести этот строй» [1, кн. IV, IX, 12].

Многие исследователи античности ломали себе голову над тем, кого имел в виду Аристотель, говоря о некоем анонимном «муже». В этой связи называли Солона и других законодателей древности. Языковый анализ этого места, проведенный профессором А. И. Доватуром, показывает, что говоря об «одном муже», Аристотель не мог иметь в виду какого-то древнего законодателя, а скорее всего намекал на своего современника. Таким современником мог быть только Александр Македонский. Против этой точки зрения выдвигались возражения хронологического характера: прежде считалось, что «Политика» принадлежит к сравнительно ранним сочинениям Аристотеля. При этом, однако, не учитывалось, что «Политика», как и другие дошедшие до нас трактаты Аристотеля, представляет собой не обработанное литературно сочинение, а скорее запись лекций, к которым Аристотель неоднократно возвращался, доделывая их и включая в них новые куски. К такого рода вставкам относится, возможно, и приведенная выше фраза об «одном муже». Поскольку в данном случае речь шла о живом человеке и притом об ученике Аристотеля, было вполне естественно, что Аристотель не назвал его по имени. Наоборот, было бы очень странно, если бы, имея в виду Солона или кого-либо другого из древних законодателей, Аристотель ограничился анонимным намеком, как он поступал, например, в отношении Платона и других своих современников.

В ходе Великого похода выяснилось, что Александр отнюдь не собирается следовать советам своего учителя. Прежде всего, его отношение к варварам оказалось совершенно другим, чем у Аристотеля. Если Стагирита интересовали прежде всего греческие дела, а весь прочий мир характеризовался им как мир варваров, то для Александра Греция была маленькой страной среди великолепных древних цивилизаций Персии, Египта, Вавилона, а Македония казалась ему провинциальным, захолустным уголком, покинув который, он уже никогда больше туда не возвращался.

Идея полиса, классического города-государства, стала казаться в это время устаревшей и не соответствовавшей новому представлению о мире. Возникавшие на Востоке греческие города уже не обладали самостоятельностью полисов; они

были частью великой империи и постепенно из греческих поселений превращались в космополитические общины. Сам Александр не только не препятствовал этому процессу, но всемерно содействовал ему.

Характерно, что Александр взял в жены (не в наложницы!) не гречанку, а дочь бактрийского царя красавицу Роксану, последующая трагическая судьба которой (и ее сына) привлекла внимание многих писателей, включая Расина.

Александр не только отменил юридические привилегии македонцев над воинами и офицерами других национальностей, но и предпринял попытку ассилияции высшего слоя своей армии и персидской аристократии. А именно, следуя своей привычке вмешиваться в частную жизнь своих подданных (в чем он сильно напоминал Петра Великого), Александр предписал семидесяти своим военачальникам взять в жены специально им самим отобранных красивых персидских девушек. Их примеру последовали тысячи других офицеров. Это произошло уже незадолго до смерти Александра. Неожиданная кончина великого полководца привела к резкому изменению взятого им курса. Все привилегии македонских офицеров были тотчас же восстановлены, а из семидесяти навязанных Александром браков прочным оказался только один — брак будущего основателя династии Селевкидов, Селевка I Никатора. Селевк искренне полюбил свою персидскую жену и прожил с ней до конца своей жизни.

Надо сказать, что все предпринимавшиеся в истории попытки искусственной ассилияции (слияния) двух различных этносов оканчивались неудачей. В наше время многие политические деятели — от Маркса до Сталина — считали неизбежной ассилияцию евреев с той этнической средой, в которой им довелось оказаться. На самом же деле, несмотря на множество смешанных браков, на отход большинства евреев от иудаистской религии, наконец на гонения, которым подвергались евреи в течение многих столетий, — национальное сознание еврейского народа не только не слабело, но становилось все более прочным и ярко выраженным. Особую роль в этом процессе сыграло возникновение государства

Израиль и обретение евреями своего древнего языка — языка Библии — в качестве государственного и общенародного языка.

На этом я заканчиваю мои отрывочные размышления о существовании расизма в Древней Греции. Эпоха эллинизма была эпохой космополитической, когда стерлась грань между «эллином и иудеем». Далеко не случайно, что Христос с его проповедью братства всех людей появился именно в эпоху эллинизма. Христианское братство отнюдь не означало ассилияции различных народов; оно было предвестием будущих отношений между народами — тех отношений, которые до сих пор еще кажутся нам недостижимым идеалом.

1944/45 г., 2-й Белорусский фронт

Публикация Ю. М. Живовой

Список литературы

1. Аристотель. Политика / Пер. С. А. Жебелева // Соч.: В 4 т. М., 1984. Т. 4. С. 375—644.
2. Diels H. War Thales ein Semite? // Archiv für Gedichte der Philosophie. 1988. II. S. 165—170.
3. Геродот. История / Пер. Г. А. Стратановского. Л., 1972.
4. Платон. Политик / Пер. С. Я. Шейман-Топштейн // Соч.: В 3 т. М., 1972. Т. 3. С. 10—82.